Химера поглощения. Почему в отношениях Москвы и Минска ничего не происходит

Денис Мельянцов

Резюме

При всем ослаблении позиций никуда не делись и белорусские традиционные интересы, и готовность их отстаивать. Это становится все заметнее по мере того, как власти восстанавливают контроль над внутриполитической ситуацией в стране.

Опубликовано Московским Центром Карнеги

Белорусско-российские отношения продолжают ставить наблюдателей в тупик своей непредсказуемостью. Еще год назад две страны вели жесткий торг вокруг интеграционных карт, демонстрируя публике нарастающие противоречия. После августовских президентских выборов, повергших белорусский режим в глубокий кризис, взаимное раздражение резко сменилось показательным сотрудничеством. Кремль поддержал Лукашенко во время самых масштабных в белорусской истории протестов и продолжает поддерживать в конфликте с Западом.

Неизменным на всех этих этапах остается одно – тревожные ожидания, что Москва воспользуется растущими трудностями Минска, чтобы провести недружественное поглощение соседней страны, требуя расплаты за братскую помощь. Перед каждой встречей Путина и Лукашенко эти ожидания становятся главной темой обсуждений, но каждый раз не сбываются. Реальное взаимодействие двух стран демонстрирует совершенно иную динамику.

Ожидания и общий интерес

Разговоры о том, что Лукашенко едет в Россию сдавать суверенитет, ведутся уже несколько лет. Причем их интенсивность только нарастает, несмотря на то что из раза в раз они не получают подтверждения. Недавняя встреча лидеров двух стран в Москве еще больше укрепила эту тенденцию, когда накануне в СМИ появлялись описания далекоидущих договоренностей, которые могут быть приняты, а лидеры оппозиции призывали защитить белорусскую независимость.

Но по итогам встречи не было принято никаких судьбоносных решений. Как не было их и после всех предыдущих переговоров двух президентов. Кто-то возразит, что многое могло остаться за кадром и за закрытыми дверями, что решения просто не хотят обнародовать раньше времени. Такая вероятность, конечно, существует. Однако гораздо выше вероятность того, что если бы ключевые для белорусского суверенитета решения были, то о них бы договорились во время предыдущих визитов Лукашенко в Россию, когда его положение было куда более уязвимым, чем сейчас. Но, как мы видим, этого не произошло.

Представление, что в обмен на российскую поддержку во время протестов Лукашенко пообещал пойти на значительные уступки в интеграции и провести конституционную реформу, по-прежнему весьма популярно, но оно не выдерживает проверку временем. Слухи о такого рода обещаниях были в последующие месяцы дезавуированы и белорусской, и российской стороной.

> По прошествии почти девяти месяцев после президентских выборов не произошло существенных подвижек ни в процессе интеграции, ни в трансформации белорусской политической системы. Все, что мы могли наблюдать, – это скорее символические действия и жесты, а не реальные уступки.

Специалисты, знакомые с процессом переговоров по интеграции, не склонны идеализировать методы российской стороны – несомненно, она готова использовать жесткие методы давления. Но недооценивать белорусских переговорщиков, особенно самого Лукашенко, также не стоит. Поэтому не надо спешить сбрасывать со счетов версию, что белорусские протесты были убедительно поданы Путину исключительно как антироссийские и прозападные. А их целью было оторвать от России важного союзника, ослабив ее на западном направлении. В пользу такой аргументации Лукашенко работали все действия Запада, который мгновенно встал на сторону протеста и призвал Россию воздержаться от вмешательства.

Нельзя не признать, что некоторая дестабилизации белорусского режима с последующей изоляцией его от Запада была объективно в интересах Кремля. Это резко сужало коридор для маневров Лукашенко и подрывало его позиции в переговорах об интеграции. Но полный коллапс системы власти в стране с перспективой гражданской войны вряд ли входил в задачи российского руководства. Такое развитие событий вынудило бы Москву вмешаться и вкладывать огромные ресурсы для нормализации ситуации.

Важен и международный контекст. В условиях конфронтации Москвы с Западом возрастает значимость Минска как союзника. Как в военно-стратегическом, так и в психологическом измерении. Если в 2010 году Кремль требовал от Лукашенко подписать соглашения о Едином экономическом пространстве в обмен на поддержку на президентских выборах, то через десять лет белорусским властям сошла с рук и антироссийская риторика, и дело вагнеровцев, и затягивание переговоров по интеграционным дорожным картам. Российская поддержка Лукашенко во время кризиса не принесла существенных прорывов в сфере реальной интеграции.

То есть, видимо, Кремль был более заинтересован в том, чтобы белорусская ситуация оставалась стабильной и предсказуемой. Не всегда сговорчивый союзник оказался в этой ситуации привлекательнее, чем негарантированная выгода от попыток усилить свое влияние через дестабилизацию в граничащей с самым центром России стране. Ведь, по большому счету, даже балансирующий между Западом и Россией Лукашенко всегда обеспечивал российские стратегические интересы. Он никогда не ставил вопрос о выходе из ОДКБ и ЕАЭС, о выводе с территории страны российских военных объектов или об отказе от совместной охраны границ Союзного государства и единой системы ПВО. В некотором смысле белорусский президент уже оплатил свою поддержку со стороны России.

Что дальше?

Лукашенко удалось подавить протесты, стабилизировать ситуацию в стране и не допустить раскола в правящей элите, но теперь возможности маневрировать во внешней политике у него сильно ограничены. Политическая изоляция и санкции со стороны Запада неизбежно будут толкать белорусскую власть в сторону России. Хотя последняя все равно не стала единственным партнером. Есть еще как минимум Китай, с которым Минск последовательно наращивает политическое, торговое и военное сотрудничество.

> Тем не менее белорусская политика «ситуационного нейтралитета» и балансирования между Россией и Западом после прошлогодних событий явно ушла в историю. Усиленная политическим кризисом и санкциями зависимость от Москвы, а также все более жесткое противостояние между Россией и Западом требуют от Минска четкого самоопределения.

Это сейчас и происходит: увеличивается количество совместных с РФ военных учений, демонстрируется сотрудничество по линии спецслужб (недавнее разоблачение заговора против Лукашенко), транзит белорусского экспорта переносится в российские порты. В качестве символического жеста Минск даже предложил убрать из Конституции фразу о стремлении к нейтралитету. Одной из гарантий союзнической лояльности может стать и появление на белорусской территории полноценной российской военной базы (в дополнение к двум имеющимся военным объектам). Переговоры об этом велись несколько лет назад, но тогда не были завершены совсем из-за другой внешнеполитической конъюнктуры.

Вместе с тем при всем ослаблении позиций никуда не делись и белорусские традиционные интересы, и готовность их отстаивать. Это становится все заметнее по мере того, как власти восстанавливают контроль над внутриполитической ситуацией в стране. На переговорах об углублении интеграции Минск по-прежнему требует равного доступа к энергоресурсам и ликвидации ограничений в торговле. Вне переговоров остаются вопросы, затрагивающие основы суверенитета – единая валюта и интеграция военной организации. Поэтому нас, скорее всего, ждет продолжение долгого и не всегда гладкого интеграционного процесса, который идет уже больше 20 лет. Без сенсационных прорывов, слияний и поглощений.

Крупные белорусские предприятия, зависимые от экспорта, по-прежнему будут активны в разных регионах мира. В этом смысле белорусская многовекторность сохранится, хотя и в измененном виде из-за проблем на западном направлении. Географическое положение и структура экономики также диктуют необходимость поддерживать рабочие отношения с соседним Евросоюзом и с его отдельными странами. Поэтому рано или поздно Минск придет к какой-то новой версии политики балансирования.

Учитывая углубляющееся противостояние России и Запада, еще более важным вопросом становится сохранение «большой сделки», по которой Минск обменивает тесное военное союзничество и учет российских стратегических интересов на экономическую и политическую поддержку Москвы. Как ни парадоксально, но эта сделка гарантировала и продолжает гарантировать сохранение белорусского суверенитета и независимости.

Денис Мельянцов
координатор программы «Внешняя политика Беларуси» Совета по международным отношениям «Минский диалог»